

Природа зла в романе В. П. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)».

Пройдя знакомый многим ровесникам путь от «юношеского “гимназического” отрицания к положительной религии»¹, В. П. Свенцицкий (писатель, философ, публицист, а с 1917-го года – священник Русской Православной Церкви) пережил глубокий духовный кризис, расколовший его личность на две противоположные сущности. Результат своей духовной борьбы писатель представил в книге «Антихрист (Записки странного человека)», ставшей «исповедью» его «двойника» [с. 218–219]. Стремясь сразу же обозначить «и исповедальность текста, и его условность»², автор начинает произведение с загадки героя-повествователя о жанре книги – исповедь это или роман. В «Послесловии» писатель вновь возвращается к данному вопросу, особо подчеркивая двойственность произведения. Как роман «Антихрист» – «плод воображения», «творческое создание», однако благодаря «органической связи с <...> душой» автора его книга – «не просто художественный образ», а «в одно и то же время и роман, и исповедь» [с. 219].

В своеобразном диалоге с читателем Свенцицкий заранее предвосхищает замечания критиков о схожести избранного им стиля и художественных приемов с произведениями русской классики. «Приём-то “заимствованный у Достоевского” <...> скажете вы» [с. 59], – намеренно подсказывает повествователь. Одновременно признавая «литературные погрешности», которые могут быть обнаружены в книге, он в то же время ставит себя в один ряд с В. Гаршиным, Г. Успенским, Ф. М. Достоевским, Вл. Соловьёвым [см. с. 225], чье творчество, по мнению Свенцицкого, отразило борьбу «ни с чем иным и в себе, и в жизни, как всё с тем же зверем – Антихристом» [с. 225]. Подобно М. Ю. Лермонтову, изобразившему в «Герое нашего времени» коллективный портрет современников, «составленный из пороков всего <...> поколения, в полном их развитии»³, Свенцицкий создает портрет «коллективного Антихриста», «безобразного двойника», которого всякий «в данную эпоху <...> хоть краешком одним, но пережил» [с. 224]. Пронизанный тонким психологизмом, роман основывается на рефлексивных наблюдениях главного героя над самим собой, в то время как внешняя сюжетная линия используется для объяснения и обоснования трансформации, происходящей с его личностью.

¹ Свенцицкий В. П., прот. Собрание сочинений. Второе распятие Христа. Антихрист. Пьесы и рассказы (1901–1917) / сост., послесл., коммент. С.В. Черткова. М.: Дар, 2008. С. 59. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в квадратных скобках вслед за выдержками с указанием страниц.

² Алексеева Л. Ф. Повесть Валентина Свенцицкого «Антихрист» (1908) в контексте литературного процесса // Вестник НовГУ имени Ярослава Мудрого. Серия «Гуманитарные науки». № 84 / Материалы XIV Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения». Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2015. С. 70.

³ Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 6. Проза, письма. 1957. С. 203.

Через год после публикации «Антихритиса...» Свенцицкого А. Белый отметил разлитый «над новым искусством <...> дух проповеди»: «отныне <...> проповедуют самые образы; они красноречиво рисуют смерть старой жизни (демонизм ее) или <...> предошущаемые картины возрожденного человечества <...>; одни говорят, что мы вырождаемся к смерти; другие отвечают: “Нет, возрождаемся к жизни”. Образами искусства борются ныне передовые фаланги человечества с обступившими их химерами смерти»⁴.

Со второй половины XIX века русские писатели, предчувствуя приближение царства Антихриста, начинают указывать на постепенную подмену идей христианства социально-утопическими проектами, попытками построить христианство без Христа, чье место неизбежно и незаметно занимает другой дух, князь мира сего. По мнению Вл. Соловьева, «последним актом исторической трагедии» будет «религиозное *самозванство*» или «антихристианство», значительно более опасное, чем «простое неверие, или отрицание христианства, или материализм <...> когда имя Христово присвоят себе такие силы в человечестве, которые на деле и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его»⁵. Происходит утрата веры во всеобщее Воскресение, а значит и лишение Евангелия – то есть *благой вести* – того основного *блага*, которое в нем возвещается⁶. Облечение подобной идеи в ткань художественного образа предпринимает В. П. Свенцицкий в романе «Антихрист (Записки странного человека)».

Главный герой, с детства испытывавший «леденящий ужас» при мысли о смерти и «ни одной минуты» не веривший во Христа, на словах становится ревностным поборником Православия, так как только религия, несмотря на полное отсутствие веры, была способна удержать его от насильственного приближения неизбежного конца [с. 66]. Такое «целительное действие» [с. 66] религия могла оказать на героя только при одном условии: окружающие люди должны были считать его искренно верующим. Таким образом, с раннего детства в нем развивается внутреннее фарисейство: например, он выставял себя перед знакомыми «постником и аскетом», а оставаясь один, в те же постные дни «без малейшей борьбы» съедал скромный обед в ресторане [с. 67].

С каждой главой проникая все глубже в строение собственной души, герой определяет себя как «нравственного урода»: «атрофированное» нравственное чувство не позволяло ему «*почувствовать* грех», ощутить разницу между добром и злом [с. 69]. «Я понял, что во мне душа трупа» [с. 69], – пишет рассказчик. Подобное определение воскрешает в памяти лермонтовский образ Печорина: «Я сделался нравственным калекой, – читаем мы в журнале героя, – одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины <...> Во мне два чело-

⁴ Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 259.

⁵ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 707–709.

⁶ Там же. С. 637.

века: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его»⁷. Но если Печорин жил наполовину, то герой Свенцицкого полностью скован страхом смерти, все опустошившим в его душе: «О, как мне передать эту муку чувствовать себя ко всему одинаково мёртвым, ко всему одинаковым ничто?!» [с. 68].

Поставленный вследствие своей репутации вдалеке от женщин, он превращается в «теоретика разврата»: «Я жадно ишу красивых женщин и, найдя, сейчас же делаю их героинями своих чудовищно-грязных мечтаний. И так ясно, с такими подробностями рисую себе всё, что, право, не знаю, прибавилось ли бы что-нибудь от того, что это произошло бы в действительности» [с. 72].

На протяжении книги рассказчик Свенцицкого близко сталкивается с двумя женщинами. Первая из них – Верочка, искренне полюбившая его, тратит все силы, чтобы спасти героя, вдохнуть в него жизнь, однако, также не найдя веры в Бога, а потому и высшей помощи, в конечном счете, она трагически погибает (автор намеренно ни разу не называет героиню полным именем Вера, только Верочка). Второй женщиной становится «деревенская девка» Марфа [с. 162]. Рассказчик подчеркивает, что в ней нет ничего «евангельского» или «иносказательного» [с. 162], тем самым подталкивая читателя к мысли о символичности ее имени, используемого для обозначения земного начала и животной страсти героя.

Полной противоположностью повествователя является брат Верочки Николай Эдуардович, обладающий истинной, живой верой в Бога и, по замечанию повествователя, даже внешне очень напоминающий «Распятого» [с. 93]. «С ним Христос! С ним Христос!» [с. 94] – стучало в голове у героя. Однако вопреки данным характеристикам Николай Эдуардович оказывается слабее рассказчика. Он не только не замечает лицемерной маски героя, но считает его своим другом и соратником. Также чувствуя приближение времени Антихриста, Николай Эдуардович отдается утопическим идеям по созданию «Союза христиан», который смог бы одновременно удовлетворить религиозным, политическим и социальным потребностям. «Чем ясней становилось для меня, что для “Христового” дела “Союз христиан” ничего не прибавит, – подчеркивает повествователь, – тем с большей горячностью <...> поддакивал я этому плану» [с. 174].

Центральной темой романа является созданная героем теория Антихриста: «Каждый человек до Христа, в своём чаянии Его пришествия был носителем духа Христова (частицы того, кто бы явился воплощением “любви, красоты, истины” – А.М.) Христос уже был <...> в человечестве и должен был вылиться в одно целое. После Христа точно так же каждый отдельный человек является носителем духа Антихриста <...> Прежде лучшими были те, в ком полнее воплощался Христос, потому что они по преимуществу приближали время Его пришествия, – теперь лучше тот, кто полнее воплощает в себе Антихриста...» [с. 114–115]. Ощувив живущий в себе «быть может, более полно, чем в ком-нибудь другом» дух Антихриста (воплощение «страха, безобразия и разрушения»), рассказчик полагает, что является «несомненным носителем прогресса» и непосредственно приближает время

⁷ Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 6. Проза, письма. 1957. С. 297, 324.

его «грозного пришествия» [с. 116]. «Заметный, ускоренный прогресс, есть всегда симптом конца»⁸, – замечает Вл. Соловьев в «Трех разговорах...». Со временем мысль, приводившая героя в восторг: «Я – Антихрист» [с. 116], – сменилась ощущением внутри себя чего-то инородного, чего-то, что полностью поработило его личность. Это чувство автор образно передает через изображение «отвратительных насекомых под названием “наездники”». Они кладут свои яйца в живых гусениц других насекомых, гусеница не умирает <...> но внутри неё уже живёт другая личинка, питается, растёт и наконец выводится вместо настоящей <...> я чувствую, что я именно такая гусеница с лицом человеческим и что меня проколол *другой*, и живёт во мне, и ест душу мою», – подытоживает повествователь [с. 107–108].

Конечный результат теории Антихриста напрямую перекликается с итогом теории сверхчеловека Раскольникова. В эпилоге романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский описывает кошмарный сон героя, грезившего будто в мире появились новые микроскопические «трихины», вселявшиеся в тела людей. «Никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные <...> Все были в тревоге и не понимали друг друга <...> Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром»⁹. «Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных»¹⁰. Раскольников, постепенно осознавший болезненность и ложность своей теории, сумел найти силы для раскаяния и перерождения, тогда как другой герой – Свидригайлов, панически боявшийся смерти, в отчаянии лишился и воли к жизни. Данные два пути отсылают нас к вечному выбору веры (и ее сохранения в верности), раскрытому еще в евангельском повествовании на примере Петра и Иуды.

Свенцицкий оставляет открытой концовку романа, предлагая каждому самостоятельно решить, какой же путь выберет герой. С одной стороны его жизнь кончена: «Я не выхожу из дома и, как сознавшее себя животное, покорно дожидаюсь, когда моя “очередь”. Не живу – догниваю!» [с. 215]. Растворивший собственную личность в образе Антихриста, рассказчик мог лишь покорно, из «ничтожного уголочка» [с. 113] своей души, наблюдать за его действиями и иногда делать жалкие попытки, подобные последним судорогам, что-то у него отвоевать. И все же герой сохраняет «смутную надежду»: «Можно ли узнать Христа, не пережив Антихриста?» – спрашивает он, заканчивая записки [с. 215].

Подводя итоги романа, Свенцицкий обозначил главную цель книги как передачу «религиозного опыта», который «не мог и не должен» принадлежать ему одному [с. 225]. От лица Николая Эдуардовича он заявляет, что путь настоящего «самого страшного» сомнения, когда человек «усумнится *душой*», потеряв чувство различия между Добром и Злом – это «трудный путь», но также путь ко спасению [Свенцицкий, с. 118]. «Узнать Христа можно только пережив Антихриста», встреча и смертельная схватка с которым «на пути ко Христу обязательна для всякого», – утверждает писатель в «Послесловии» [с. 224].

⁸ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 705.

⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972 – 1990. Т. 6. 1973. С. 419–420.

¹⁰ Там же. С. 419.

К схожей мысли о познании добра через познание зла пришел Д. С. Мережковский в трилогии «Христос и Антихрист» (1895 – 1905): «Я теперь <...> знаю, – говорит писатель, – что надо было мне пройти эту ложь до конца, чтобы увидеть истину. От раздвоения к соединению – таков мой путь, – и спутник-читатель, если он мне равен в главном – в свободе исканий, – придет к той же истине...»¹¹.

Между тем, Иисус Христос заповедовал обратное. Так, единственная молитва, данная Им ученикам – «Отче Наш» – заканчивается строками: «<...> **и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого**» (*Матф. 6:9–13*). То есть, в православном понимании познание зла – от лукавого.

Правнук Валентина Свенцицкого – диакон Леонид Калинин – критически отозвался на главную идею книги: «Основанием неблагоприятных поступков для героя романа стала пагубная мысль о том, что избегающему искушений не узнать святости»¹².

Из биографии Свенцицкого известно, что идею познания добра через зло писатель пронес через всю жизнь, лишь перед смертью осознав ошибочность своих взглядов. Он прошел непростой и не каждому посильный путь от увлечения идеями христианского социализма к глубокому духовному кризису, пошатнувшему основы веры; от принятия священнического сана до разрыва канонических отношений с митрополитом Сергием (Страгородским), а вместе с этим, по его собственным покаянным словам, и до отпадения от соборного единства Церкви. Однако незадолго до кончины о. Валентин все же вернулся в лоно Православной Церкви, призвав к этому и всю свою паству. За месяц до смерти в письме к родным и духовным детям он подвел итог своей жизни: «Разве вы не знаете, как иногда вдруг все станет иным, и то, что было справа, становится слева, и что было слева, становится справа? <...> Как случилось, что у меня открылась вполне истина, – рассказать почти невозможно, но знайте, что это имеет прямое отношение к моему концу, и, может быть, Господь меня сохранил перед смертью и дал возможность принести покаяние»¹³.

¹¹ Цит. по: Михайлов О. Пленник культуры (О Д. С. Мережковском и его романах) [Электронный ресурс] // Д. С. Мережковский. Юлиан Отступник. URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/MEREZHKOWSKI/ostos.txt> (дата обращения: 08.10.15).

¹² Калинин Леонид, диакон. Предисловие [Электронный ресурс] // Свенцицкий Валентин, протоиерей. Диалоги. URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?id=148&page=book> (дата обращения: 24.09.15).

¹³ Цит. по: Калинин Леонид, диакон. Предисловие [Электронный ресурс] // Свенцицкий Валентин, протоиерей. Диалоги. URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?id=148&page=book> (дата обращения: 24.09.15).